

ЕВРИПИД

ВАКХАНКИ¹

Перевёл с древнегреческого Вланес

ДИОНИС²

Сын Зевса, Дионис, пришёл я в эти Фивы.³
Мне матерью была дочь Кадмова,⁴ Семела,⁵
ей чрево отворил огонь молниеносный.
Обличье божества сменив на смертный образ,
я к Дирке⁶ подошёл и бурному Исмену.⁷ 5
Здесь мать моя лежит, убита хлётским громом,
а вот и дом её, в руины обращённый,
от Зевсова огня он всё ещё дымится,
на мать мою вовек не гаснет ярость Геры.
А Кадма я хвалю за то, что он гробницу 10
и землю освятил. Я всё кругом украсил
обильем сочных лоз и полновесных гроздьев.
От золота полей ливийцев и фригийцев,
от выжженной земли, принадлежащей персам,
и от бактрийских стен, и от мидийцев грозных 15
пришёл я по садам Аравии цветущей,
всю Азию пройдя до самой бездны моря,
кипящей у земли, где варвары и греки
плодятся в городах, под сенью дивных башен.
Там пляски начал я, установил обряды, 20

¹ «Вакханки» – одно из последних произведений Еврипида. Трагедия была впервые поставлена уже после смерти поэта, в 405 году до н.э. в Афинах. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: Euripidis Fabulae. Edidit J. Diggle. Tomus III. Oxford Classical Texts. Oxford: Clarendon Press, 1994. 287-356. При переводе были использованы комментарии Сифорда (Euripides. Bacchae, with an Introduction, Translation and Commentary by Richard Seaford. Aris & Phillips: Warminster, England, 1996) и Сэндиса (The Bacchae of Euripides, with Critical and Explanatory Notes, by John Edwin Sandys. Cambridge: Cambridge University Press, 1880). Перевод сверен с подстрочной английской версией Теодора Бакли (Theodore Alois William Buckley) (эл. текст: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0092%3Acard%3D1>).

За основу перевода хоровых партий взяты метрические схемы Сэндиса.

² В слове «Дионис» допускается ударение как на второй, так и на последний слог. Классически правильное ударение на второй слог – «Дио́нис», однако и в литературе, и в разговорной речи распространено и более привычно ударение на последний слог – «Диони́с». В этом переводе принято более распространённое ударение – «Диони́с», однако в примечаниях будут даны варианты строк и с альтернативным ударением.

³ «Дио́нис, Зевсов сын, пришёл я в эти Фивы.»

⁴ Кадм (Κάδμος) – герой, основатель знаменитого города Фивы в Беотии.

⁵ Семела (Σεμέλη) – дочь Кадма и мать Диониса, которого она зачала от Зевса. Гера, сестра и супруга Зевса, в гневе на соперницу решила погубить Семелу. Приняв обличье кормилицы Семелы, она внушила ей желание убедиться воочию, что её возлюбленный – действительно бог. Семела упросила Зевса явиться ей во всём блеске своего величия, с громом и молниями. Вынужденный клятвой исполнить просьбу Семелы, Зевс предстал перед ней в пламени своих молний. Смертная женщина не выдержала небесного огня и сгорела. Зевс же спас от гибели недоношенный в лоне матери плод, вложив его в своё бедро, и, когда наступило время, произвёл на свет Диониса.

⁶ Дирка (Δίρκη) – речка, приток Исмена.

⁷ Исмен (Ἰσμηνός) – небольшая река в Беотии, протекающая через Фивы.

а уж потом вошёл в элладский этот город,
 божественность мою доказывая смертным.
 Из эллинских земель сначала я все Фивы
 экстазом охватил, дал женщинам небриды⁸
 и каждой гибкий тирс,⁹ плющом обвитый плотно. 25
 Здесь тётушки мои¹⁰ – уж эти бы молчали! –
 сказали, что не Зевс родитель Диониса,¹¹
 но некий человек Семелу обесчестил,
 а хитроумный Кадм уже потом придумал,
 что это сделал Зевс, и тот убил Семелу 30
 за ложную хвалу любовью сочинённой.
 Я так рассвирепел, что выгнал их из дома
 и разума лишил! Они в горах блуждают,
 одетые легко, и ждут моих обрядов!
 Я выгнал из домов и всех кадмейских женщин, 35
 они теперь сидят одной большой толпою
 с наказанными мной наследницами Кадма,
 без крова, на камнях, в тени зелёных елей!
 Обязан воспринять непосвящённый город,
 хоть и противясь мне, обряды вакханалий, 40
 а также осознать, что мать моя, Семела,
 от Зевса родила доподлинного бога!
 Правитель Кадм решил, уже больной и старый,
 что внук его, Пенфей,¹² возглавит государство.
 Тот борется со мной, а я не получаю 45
 ни благостных молитв, ни винных возлияний.
 Я докажу ему, а также всем фиванцам,
 божественность мою и, потрудясь на славу,
 в другие города немедленно направлюсь,
 являя там себя! Но если люд фиванский 50
 разгневанным копьём вакханок с гор прогонит,
 я захлестну весь мир безумьем этих женщин!
 Для этого я стал обычным человеком
 и отягчил себя природой преходящей.
 Эй, варварки мои, бежавшие из Тмола,¹³ 55
 лидийского гнезда, рокочущей толпою,
 желая мне служить! Помощницы родные!
 Берите поскорей фригийские тимпаны,
 которые я сам и мать наша, Рея,¹⁴
 для вас изобрели! Замкните дом Пенфея 60
 в шумящее кольцо, будьте царство Кадма!
 А я пока пойду в ущелья Киферона¹⁵
 и буду танцевать с вакханками моими!

⁸ Небрида (νεβρίς) – шкура молодого оленя, которую носили вакханки на празднествах Диониса.

⁹ Тирс (θήρσος) – жезл, сделанный из стебля ферулы, увитый плющом и виноградными листьями.

¹⁰ Семела была четвёртой дочерью Кадма, у неё было три сестры.

¹¹ «сказали, что рождён Дионис не от Зевса»

¹² Пенфей (Πενθεύς) – царь города Фивы, сын Агавы (Αγαύη), дочери Кадма.

¹³ Тмол (Τμόλος) – горная цепь в Лидии.

¹⁴ Рея (Ρέα) – титанида, мать олимпийских богов.

¹⁵ Киферон (Κιθαίρων) – горный хребет между Аттикой и Беотией.

ХОР

Я из Азии шагаю,
покидая Тмол священный, 65
чтобы Бромия¹⁶ прославить
сладкой, лёгкою работой,
выпевая имя Вакха!
Кто в дороге? Кто в дороге?
Кто за дверью? Пусть выходит,
рот сомкнув благоговейно!¹⁷ 70
Как устроено вовеки,
Диониса я восславлю!¹⁸

Счастлив тот, кто благолепно
познаёт обряды божьи,
кто живёт безгрешной жизнью,
всей душою предаваясь 75
на горах восторгам Вакха,
очищениям благочинным,
и творит обряд законный
вечной Матери-Кибелы,¹⁹
потрясая гибким тирсом 80
над венками плющевыми,
восхваляя Диониса!²⁰
Эй, вакханки! Эй, вакханки!
Бога Бромия ведите,²¹
сына бога, Диониса, 85
с гор фригийских в град элладский,
созданный для хороводов!

Бромий матерью несчастной
был рождён в насильных муках!
Огневным оружием Зевса 90
был он вызволен из чрева,
мать же быстро погибала
под смертельной вспышкой грома!
Но его мгновенно принял
Зевс-Кронид в покой родильный, 95
застегнув бедро тугое
на булавки золотые,
чтобы сына скрыть от Геры!
По расчёту Мойр²² сметливых
бог родился волорогий, 100

¹⁶ Бромий (Βρόμιος), т.е. «Шумный» – прозвище Диониса, данное потому, что при его рождении гремел гром.

¹⁷ Непосвящённые должны молчать.

¹⁸ «я Диониса восславлю!»

¹⁹ Кибела (Κυβέλη) – очень древняя богиня, отождествляемая с Реей.

²⁰ «чтобы славен был Дионис!»

²¹ «Пусть Дионис, вечный Бромий,
божий сын и бог, нисходит» и т.д.

²² Мойры (Μοῖραι) – три богини судьбы.

он венки змеиный носит,
оттого менады в косы
диких змей себе вплетают!

Фивы, приют Семелы,
свежим плющом венчайтесь! 105

Полнитесь, прорастайте
зеленоплодным тисом!
Рвите под гимны Вакха
ветви с дубов и елей,
стягивайте небриды, 110

ключьями белой шерсти,
хлесткий кропите нартекс,²³
неукротимый посох,
чтобы земля плясала
и поднимался в гору 115
Бромий с толпою женщин,
от челноков и кросен
согнанных Дионисом!²⁴

Тайный приют куретов,²⁵ 120
камни святого Крита,
родина бога Зевса!

В этих пещерах обруч,
стянутый плотной кожей,
гордо нося три гребня, 125

выдумали корибанты,
и под фригийский танец
Матери-Рее дали,
чтобы пьянить вакханок!
Бешеные сатиры 130

в дар от богини взяли
звонкий тимпан для плясок,
плещущих раз в три года
к радости Диониса!²⁶

Как он прекрасен, когда, отделившись 135
от распалённой толпы посвящённых,
падает навзничь, в заветной небриде,
бешено жаждая крови козлиной,
мяса сырого, и в горы фригийцев,
к долам лидийским душой улетаю, 140
наш предводитель, наш Бромий великий!

²³ Нартекс (νάρθηξ) – зонтичное растение с коленачатым и полым стволем. Нартексом именуется и жезл вакхантов, изготовленный из этого растения.

²⁴ «Бромий с толпою женщин –
от челноков и кросен

их отогнал Дионис!»

²⁵ Куреты (Κοῦρητές) – жрецы богини Реи.

²⁶ «чтоб ликовал Дионис!»

Эво́!²⁷

Ныне земля молоком истекает,
брызжет вином и пчелиным нектаром!
Вакх, поднимая багряное пламя,
факел сосновый, который дымится 145
так же душисто, как ладан сирийский,
мечется с нартексом и возбуждает
бегом своим и раскованным танцем
всех, кто ему попадётся навстречу,
криком истошным взрывая им сердце,
пышные локоны в небе купая! 150
Глушит он голосом рёв славословий:
«Быстро, вакханки!
Быстро, вакханки,
роскошь текущего золотом Тмола!
Пойте скорее хвалу Дионису,²⁸ 155
под рокотанье тяжёлых тимпанов!
Пусть «эво́» для эвийского бога
грянет над стоном и криком фригийцев!
Лотос чудесно поющий, священный 160
пусть выдувает священные гулы,
на́ гору, на́ гору вас подгоняя!»
И, как жеребчик под боком у матки, 165
скачет, резвится хмельная вакханка!

ТИРЕСИЙ²⁹

Эй, кто там у ворот? Скорей зови мне Кадма! 170
Где друг Агенорид?³⁰ Он свой Сидон покинул
и укрепил стеной фиванский этот город.
Пусть кто-нибудь пойдёт и скажет, что Тиресий
пришёл и ждёт его! Зачем, ему известно!
Я немощный старик, а он ещё дряхлее, 175
но тирсы мы возьмём, оденемся в небриды
и скроем седину венками плющевыми!

КАДМ

Мой превосходный друг! Я голос твой услышал
и мудреца узнал по мудрым восклицаньям!
Охотно я спешу, в божественном наряде! 180
Пускай же Дионис прославится навеки,³¹
сын дочери моей, сошедший к нам на землю!
Послужим божеству, насколько в наших силах!
Где нужно танцевать? Куда поставить ногу?
Как сединой трясти? Поведай мне, Тиресий,
как старику старик! Я знаю, ты ведь мудрый! 185
Я буду день и ночь стучать о землю тирсом,

²⁷ Эво́ (εὐοῖ) – традиционный возглас ликования во время дионисийских мистерий.

²⁸ «Гимны Дионису пойте скорее»

²⁹ Тиресий (Τειρεσίας) – слепой прорицатель в Фивах.

³⁰ Агенор (Ἀγήνωρ) – царь Тира (Τύρος) и Сидона (Σιδών), финикийских городов.

³¹ «Пускай Дионис наш прославится навеки».

	нисколько не устав! Мы радостно забудем о прожитых годах! Тир. Я тоже так считаю!	
	Я снова молодой, по пляскам тело ноет!	190
Кадм	А мы поедем, друг, на колеснице в гору?	
Тир.	Нельзя! Так новый бог получит меньше чести!	
Кадм	Ну что ж! Один старик потащит вверх другого!	
Тир.	Сам бог нас поведёт, без всякого усилия!	
Кадм	А в городе лишь мы попляшем ради Вакха?	195
Тир.	Лишь мы в своём уме, все прочие безумны!	
Кадм	Тогда чего мы ждём? Протягивай мне руку!	
Тир.	Сплети, соедини дрожащие ладони!	
Кадм	Я, смертный человек, богов не презираю! ³²	
Тир.	Я тоже не мудрю над божьими делами!	200
	Обычай отцов, ровесники столетий, в наследье нам даны. Их не достичь ни словом, ни остриём ума, хоть самого живого!	
Кадм	Наверно, скажут мне, что я старик бесстыжий, с плющом на голове пускающийся в танец?	205
Тир.	А богу всё равно, кто молодой, кто старый! Он всех бросает в пляс, он в каждом сердце дышит и ждёт от всех людей, от всех без исключения, обрядов и молитв, чтоб возрастать во славе!	
Кадм	Поскольку это свет не видишь ты, Тиресий, приходится и мне на время стать провидцем. Подходит ко дворцу Пенфей, сын Эхиона, ³³ которому я дал всю власть над государством! Как он разгорячён! Что нового расскажет?	210
ПЕНФЕЙ		
	Я за границей был, и вдруг мне сообщают, что небывалым злом охвачен этот город, что матери семей сбегают прочь из дома и скачут по горам, играя роль вакханок в густой тени лесов, и бога Диониса, какого-то лжеца, безумной пляской славят! ³⁴	215
	Они сидят рядком, и льют вино в кратёры, и в тёмные кусты по очереди ходят, чтоб усладить мужчин. Мол, это жертва богу! Извольте понимать! Они теперь менады!	
	Но там, увы, не Вакх, а только Афродита!	225
	Кого поймать я смог, тем преданные слуги надели кандалы и заперли в темнице, а тех, кого здесь нет, я на горах настигну – Ино, ³⁵ Агаву-мать, ³⁶ супругу Эхиона, ³⁷	

³² Эта строка и четыре следующих (до слова «живого») считаются подложными.

³³ Эхион (Ἐχίων) – герой, один из аргонавтов.

³⁴ «в густой тени лесов, и дикой пляской славят
какого-то лжеца по имени Дионис.»

³⁵ Ино (Ἰνώ) – дочь Кадма.

³⁶ Агава (Ἀγούη) – дочь Кадма.

	и Актеона мать ³⁸ (сестру их, Автоною)! ³⁹	230
	Их крепко обвязав железными цепями, я мигом прекращу поганое распутство! Явился, говорят, какой-то чужеземец, развратник и колдун, из области лидийской, светловолосый маг с душистыми кудрями,	235
	лицо горит вином, красив, как Афродита. Он девушек зовёт, и бродит с ними вместе, и предлагает им эвийские обряды, но если я его поймаю в этом царстве, он тирсом не взмахнёт, и не встряхнёт кудрями,	240
	я голову ему без лишних слов отрежу! Он заявляет нам, что Дионис бессмертен, ⁴⁰ что в Зевсовом бедре он был зашит когда-то и с матерью сожжён летучими огнями за то, что мать врала о связи с грозным Зевсом!	245
	Не скажете ли вы, что за такую наглость, кем ни был бы чужак, он заслужил удавку? Но вижу я теперь совсем другое чудо! Тиресий предо мной, в пестреющей небриде, а дед мой, старый сыч, сорвал длиннющий нартекс и пляшет! Эй, старик! Почтенный человеке!	250
	Что это вижу я? Ты что, совсем рехнулся? Бросай-ка этот плющ! И выпусти скорее из рук нелепый тирс! Ты дед мой! Понимаешь? Тиресий, это ты его сбиваешь с толку!	255
	Ты общество людей тревожишь новым богом, чтоб пялиться на птиц ⁴¹ и жертвы жечь за деньги! Когда бы седина тебя не защищала, сидел бы ты в тюрьме, среди своих вакханок, за подлый свой обряд! И если столько женщин тягучий сок лозы впивают на пирушках, то таинства твои бесспорно нездоровы!	260
Хор	Невежа! Ты не чтишь ни божество, ни Кадма, посеявшего тут свой землеродный колос!	
	Ты, Эхионов сын, свой древний род бесчестишь?	265
Тир.	Когда мудрец найдёт хорошую основу для помыслов своих, то речь его прекрасна. Ты вертишь языком, как человек разумный, но в этих словесах я разума не слышу. Негоден гражданин, который гневом крепок и рвётся в битву слов, не научившись думать.	270
	Вот этот новый бог, над коим ты глумишься, сказать я не могу, как будет он прославлен в элладских городах! Есть, юноша, у смертных	

³⁷ Эта строка и следующая считаются поздними вставками.

³⁸ Актеон (Ἀκταίων) – охотник, погубленный Артемидой.

³⁹ Автоноя (Ἀυτονόη) – дочь Кадма.

⁴⁰ «Он заявляет нам, что вечный бог – Дионис.»

⁴¹ Т.е. заниматься птицегаданием – узнаванием воли божества по полёту птиц.

два главных божества: Деметра или Гея, 275
 ты можешь ей давать какое хочешь имя,
 она питает нас простой и твёрдой пищей,
 и вот, Семелин сын, явившийся позднее,
 неся нам сок лозы, подарок равноценный.
 Он притупляет боль страдальцев злополучных, 280
 напивая дух потоком виноградным
 и размывая сном вседневные заботы,
 иного средства нет от наших злоключений.
 Он сам, в одном лице, и бог, и возлиянье,
 мы льём его богам, прося у них защиты. 285
 Смеёшься ты над тем, что он в бедре у Зевса
 зашит был? Но пойми, как это превосходно!
 Ребёнка отобрав от пекла громового,
 Зевс поднял на Олимп спасённого им бога,
 но Гера собралась его с небес низвергнуть, 290
 а Зевс, блеснув умом, перехитрил супругу.
 Ломоть эфира взяв, объёмлющего землю,
 он из него слепил подобье Диониса⁴²
 и, как заложника, оставил гневной Гере.⁴³
 А люди уж потом значенье поменяли, 295
 мол, в Зевсовом бедре младенец был *заложен*,
 а Дионис-то был *заложником* у Геры.⁴⁴
 С рожденья этот бог – великий прорицатель,
 являющий свой дар в обрядах исступлённых.
 Неборимый бог заходит в наше тело 300
 и покоряет нас, к вещанью побуждая.
 Воспринял он в себя и нечто от Ареса.⁴⁵
 Бывает, что бойцы, в строю, во всеоружье,
 копьём не шевельнув, рассеются от страха,
 а этот жуткий страх навеян Дионисом!⁴⁶ 305
 Ещё увидишь ты, как в Дельфах, на двуглавом,
 извилистом плато он с факелами скачет,
 хлестая и трясая оливковою ветвью
 под гимн Эллады всей! Пенфей! Молю, послушай!
 Не хвастай, что лишь царь людьми повелевает, 310
 не принимай за ум недужные решенья!
 Ты бога пропусти в свою родную землю,
 вино ему возлей, венком украсься в танце!
 Совсем не Дионис толкает наших женщин
 к распущенной любви, но женская природа, 315
 везде, во всякий час хранит благоразумье!⁴⁷
 Подумай вот о чём: и в гуще вакханалий

⁴² «он из него слепил Диониса другого»

⁴³ Аргументация Тиресия построена на игре слов: «ἄμηρος» (заложник) и «μηρός» (бедро).

⁴⁴ «мол, в Зевсовом бедре заложен был Дионис,
а он всего-то был *заложником* у Геры.»

⁴⁵ Арес или Арей (Ἄρης) – бог войны.

⁴⁶ «и этот жуткий страх Дионисом навеян!»

⁴⁷ Эта строка считается подложной.

	невинная душа развращена не будет. Понятно? Ты же рад, когда у входа в город народная толпа поёт хвалу Пенфею, а разве божеству не мило поклоненье?	320
	Мы с Кадмом дорогим, осмеянным тобою, украсимся плющом, начнём весёлый танец! Мы оба старики, но нам плясать придётся! Не склонишь ты меня к непочитанью бога.	325
Хор	Безумен ты, родной. Тут зелья не помогут. Наверное, сынок, ты зельем и опоен! Речами ты, старик, не унижаешь Феба!	
Кадм	И Бромия ты чтить, а это очень мудро! Как хорошо, сынок, тебя учил Тиресий! Останься среди нас, не нарушай законов! Порхаешь ты умом, безумьем ищешь мудрость. Пускай он и не бог, как ты нам заявляешь, а ты скажи, что бог, солги во имя блага!	330
	Пусть люди говорят, что бог рождён Семелой, так роду твоему и нам прибудет чести! Ты помнишь тяжкий рок и гибель Актеона, ⁴⁸ как вскормленные им свирепые собаки пожрали плоть его? Он хвастал на полянах, что ловлею зверей он выше Артемиды!	335
	Остерегись беды! Позволь себя украсить веночком из плюща! Славь бога вместе с нами! Прочь руки от меня! Давай! Иди, беснуйся! Не надо тут меня своим безумьем пачкать! Твой новый властелин, учитель безрассудства, получит по губам! Эй, кто-нибудь! Скорее беги в дом старика, где слушает он пташек, ⁴⁹ всё ломом разломай, устрой там полный хаос, переверни столы, венки же и гирлянды из окон побросай ветрам и ураганам, ⁵⁰	340
Пенф.	я так всего больней гадателя израню! А вы, мои рабы, по городу пройдите, узнайте, где сидит чужак женоподобный, разящий женский пол невиданной болезнью! Негодника поймав, сюда его ведите в оковах и цепях! Побьём его камнями!	345
	Попробует он желчь фиванских вакханалий! Приди в себя, наглец! Ты что собрался делать? Ты безрассудным был, теперь же стал безумным!	350
Тир.		355

⁴⁸ Актеон (Ακταίων) – охотник. Согласно мифу, однажды Актеон во время охоты случайно подошёл к месту, где Артемида купалась со своими нимфами в реке. Вместо того чтобы в священном страхе удалиться, он, зачарованный, стал наблюдать за купанием. Заметив охотника, разгневанная богиня превратила его в оленя, который попытался убежать, но был настигнут и разорван своими же охотничьими собаками.

⁴⁹ В оригинале – «οἰωνοσκολεῖ», т.е. «наблюдает за птицами». Однако Тиресий слеп и не может смотреть на птиц. Он гадает по их крику и шуму крыльев (см. Сиффорд, с. 180).

⁵⁰ Жреческие венки, обвитые белой шерстью, которые надевались во время обрядов.

Уехать бы на Пафос,⁵¹
к стоустному потоку
чужой реки бездождной,
а то и в Пиерію,⁵²
обитель Муз прекрасных, 410
на статный склон Олимпа!
Веди нас, Бромий, Бромий,
вакханок вождь эвийский!
Там Потос,⁵³ и Хариты,⁵⁴ 415
и шум законных оргий!

Великий бог, сын Зевса,
пирами чтит Эйрену,⁵⁵
дарительницу счастья,
кормящую младенцев. 420
И бедных, и богатых
он поит в равной мере
забвением печалей.
А кто не веселится
ни ясным днём, ни ночью, 425
тот богу ненавистен,
поскольку бог не любит
людей излишне мудрых.
Что просто и полезно, 430
то мне и нужно в жизни.

СЛУГА

Пенфей, а вот и мы! Идём сюда с добычей!
Ты нас послал за ней нисколько не напрасно! 435
Зверь смирно вёл себя, не пробовал спастись,
но дал себя связать, в оковы руки вставил,
и винный цвет щеки не побледнел нисколько.
Мы повели его, а он лишь улыбался
и смирно ждал меня, труды мне облегчая. 440
Неловко стало мне. Сказал я: «Чужестранец,
моей тут воли нет. На мне приказ Пенфея.»
Вакханки же твои, которых мы связали
в общественной тюрьме, уже освободились
и, путы побросав, сбежали на поляны, 445
танцуя, и резвясь, и к Бромииу зывая.
Оковы на ногах вдруг сами разломились,
открылись и замки без нашего участия!
Чудесный человек явился в наши Фивы.
Я выполнил приказ. О прочем сам заботься! 450
Вы все сошли с ума! Однако он уловлен

Пенф.

⁵¹ Па́фос (Πάφος) – город в юго-западной части острова Кипр.

⁵² Пиерія (Πιερίας) – область в Греции, в Центральной Македонии.

⁵³ Пóтос (Πόθος) – один из богов любви.

⁵⁴ Хариты (Χάριτες, «изящные, прелестные») – три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности.

⁵⁵ Эйрена (Ειρήνη) – богиня мира, дочь Зевса.

в тенёта рук моих, и не сбежит отсюда!
 Ты не уродлив, гость! Я понимаю женщин!
 Ты, видно, ради них и заявился в Фивы!
 Как волосы длинны! В палестру так не сходишь! 455
 Вон, вьются по щекам и расточают негу!
 А кожа у тебя, конечно, стала белой
 затем, что по лесам, а не на ярком солнце
 своею красотой ты ловишь Афродиту!
 Начнём же наш допрос. Ты где на свет родился? 460
 Дион. Хвалиться нечем тут, и дать ответ несложно.
 Ты, может быть, слышал о цветоносном Тмоле?
 Пенф. Слышал. Тугим кольцом он стиснул город Сарды.⁵⁶
 Дион. Оттуда я пришёл. А родом я лидиец.
 Пенф. Зачем же свой обряд приносишь ты в Элладу? 465
 Дион. Сын Зевса, Дионис, призвал меня к служенью.⁵⁷
 Пенф. У вас какой-то Зевс богов рождает новых?
 Дион. Ничуть. Всё тот же Зевс, возлюбленный Семелы.
 Пенф. Бог ночью или днём тебе вселился в душу?
 Дион. Он мне лицом к лицу поведал тайны оргий. 470
 Пенф. А оргии твои, они на что похожи?
 Дион. Нельзя об этом знать непосвящённым людям.
 Пенф. Какая же от них для жертвующих польза?
 Дион. Я не могу сказать, но знать об этом нужно.
 Пенф. Ты ловко речь повёл, чтоб я желал послушать! 475
 Дион. Обрядам божества противен греховодник.
 Пенф. На бога ты глядел. Какой же он? Расскажешь?
 Дион. Он был каким хотел. Ему я не указчик.
 Пенф. Как ловко ты опять ответа избегаешь!
 Дион. Разумные слова глупы в ушах невежды. 480
 Пенф. Ты сразу к нам пришёл учить об этом боге?
 Дион. Все варвары давно на оргиях танцуют.
 Пенф. Они во много раз глупее наших греков.
 Дион. Нет, кое в чём умней. Законы там другие.
 Пенф. А ночью или днём ты оргии справляешь? 485
 Дион. Стараюсь по ночам. Есть ночью величавость.
 Пенф. Нет! Хитрость и порок для растлеванья женщин!
 Дион. Постыдное и днём найти не очень сложно.
 Пенф. Твой мерзостный разврат отведает закона!
 Дион. Ты сам его испей, невежда и безбожник! 490
 Пенф. Ну и наглец вакхант! И как язык подвешен!
 Дион. Скажи, что будет мне. Какое наказание?
 Пенф. Я волосы твои роскошные обрежу.
 Дион. Священные они! Я их ращу для бога!
 Пенф. В руках ты держишь тирс. Отдай его немедля! 495
 Дион. Попробуй сам отнять. Он – символ Диониса.⁵⁸
 Пенф. Запру тебя в тюрьме, к дверям приставлю стражу.
 Дион. Бог выпустит меня, как только пожелаю.

⁵⁶ Сарды (Σάρδεϊς) – столица Лидии, расположенная у горы Тмол.

⁵⁷ «Дионис, Зевсов сын, призвал меня к служенью.»

⁵⁸ «Его мне дал Дионис.»

Пенф.	Вот и зови его среди своих вакханок!	
Дион.	Он смотрит и сейчас на все мои страдания.	500
Пенф.	И где же этот бог? Я что-то не примечу!	
Дион.	Он там же, где и я. Как слеп ты, нечестивец!	
Пенф.	Схватить его скорей! Он враг и мне, и Фивам!	
Дион.	Не смей меня вязать! Очнитесь, недоумки!	
Пенф.	Вяжите, говорю! Моей тут больше власти!	505
Дион.	Не знаешь ты, как жить! И кто ты сам, не знаешь!	
Пенф.	Пенфей, Агавы сын и семя Эхиона!	
Дион.	Ты с именем таким не избежишь несчастья! ⁵⁹	
Пенф.	Ну всё! Закрывать его у самых конских ясель!	
	Пушкой густая тьма в глаза ему нальётся!	510
	Вон там и попляши! А всех твоих служанок, тут сеющих разврат, мы продадим на рынке!	
	Я сам их отучу шуметь и бить по шкурам, у кросен рассажу, и жизнь их станет рабством!	
Дион.	Ну что же, я готов. Ничто не происходит наперекор судьбе. Тебя за всё накажет великий Дионис, ⁶⁰ хотя ты и не веришь, в тюрьму бросая нас, что оскорбляешь бога!	515
Хор	Госпожа, дочь Ахелоя, ⁶¹ восхитительная Дирка!	520
	Ты в свои густые струи принимала сына Зевса.	
	Бог в бедро зашил младенца, обделив огонь бессмертный,	525
	и вскричал: «В мужское чрево, Дифирамб, ⁶² иди скорее!	
	Я тебя отправлю в Фивы, где ты будешь зваться Вакхом!»	
	Что же, благостная Дирка,	530
	ты отталкиваешь толпы, обрамлённые венками?	
	Что уходишь? Я ручаюсь грозовидным наслаждением и лозою Диониса ⁶³ –	535
	Бромий свидится с тобою!	
	Что за бешенство такое! ⁶⁴ Как похож Пенфей на предка, на подземного дракона,	

⁵⁹ Имя «Пенфей» происходит от слова «πένθος», т.е. «печаль, скорбь, горе». К сожалению, эта этимология теряется в переводе.

⁶⁰ «Тебе за оскорбленья // Дионис отомстит.»

⁶¹ Ахелой (Ἀχελόϊος) – река во Фригии.

⁶² Дифирамб (διθύραμβος) – жанр древнегреческой хоровой лирики, дионисийский гимн. Здесь – прозвище самого Диониса.

⁶³ «и Дионисом душистым»

⁶⁴ Эта строка считается подложной, потому что выбивается из симметрии.

от которого родился
Эхион ваш землеродный!⁶⁵ 540
Нет, не царь, а зверь свирепый,
великан богопротивный
скоро руки мне повяжет
из-за Бромия родного! 545
Он уже в темнице запер
моего большого друга,
в непроглядном полумраке!
Дионис, рождённый Зевсом,⁶⁶
видишь, как твои служанки 550
воспротивились насилью?
Господин! Сойди с Олимпа,
порази лучистым тирсом
кровожадного злодея! 555

Ты на Нисе⁶⁷ звероводной
тирсом правишь хороводы,
Дионис мой, или бродишь⁶⁸
на вершинах корикийских,⁶⁹ 560
на Олимпе многодревном,
где Орфей бряцал кифарой,
и сблизал деревья танцем,
и манил животных диких?
Пиерия, край счастливый! 565
Скоро Эвий⁷⁰ твой прибудет
в пляске диких вакханалий!
Через Аксий⁷¹ быстроводный
рой кружащихся вакханок
он помчит и через Лидий,⁷² 570
подающий людям счастье,
как отец и благодетель,
и, я слышала, поящий
их коней прекрасной влагой! 575

Дион. Ио!
Услышьте меня! Услышьте меня!
Вакханки мои! Вакханки мои!
Хор Что это за крик? Откуда меня
так громко зовёт наш Эвий родной?

⁶⁵ Кадм убил дракона и посеял его зубы в землю. Из этих зубов выросли воины, которые сразу начали сражаться друг с другом. Почти все они погибли, осталось только пять воинов. Один из них, Эхион, стал отцом Пенфея.

⁶⁶ «Ты, Дионис, отрок Зевса»

⁶⁷ Ниса (Νῆσα) – гора, на который вырос Дионис. Точное местоположение этой горы неизвестно.

⁶⁸ «мой Дионис, или бродишь»

⁶⁹ Корикийские пики (κορυφαῖς Κορυκίας) – вершины горы Парнас, на которой находилась знаменитая Корикийская пещера, где жили наяды.

⁷⁰ Эвий (Ε῰ιος) – эпитет Диониса.

⁷¹ Аксий (Ἀξιός) – река в Македонии.

⁷² Лидий (Λύδιος) – река в Македонии.

Дион.	Ио! Ио! Опять я кричу, сын Зевса-отца, Семелы дитя!	580
Хор	Ио! Ио! Ты где, господин? Приди, появись! Наш Бромий родной! Наш Бромий благой!	
Дион.	Встряхни земную твердь, почтенное Землетрясение!	585
Хор	А! А! Пенфеев дворец вот-вот задрожит, вот-вот упадёт! Внутри Дионис! ⁷³	
–	Молитесь ему! – Мы молимся, да! Вот камни летят с высоких колонн, вот брусья ползут! Наш Бромий пришёл! Он громко кричит под кровлей дворца!	590
Дион.	Вздыхни, воспламенись, блистающий громами светоч!	
Хор	Спали, спали дотла дворец надменного Пенфея! А! А! Ты видишь огонь? Ты видишь пожар, съедающий гроб Семелы родной? Гром Зевса на нём, как прежде, блестит свирепым лучом! Вы падайте ниц! Вы падайте ниц, менады мои! Сын Зевса, наш бог, сейчас превратит в смешенье камней богатый дворец!	595 600
Дион.	Варварки, да неужели так истерзаны вы страхом, что попадали на землю? Вы почувствовали Вакха, как он рушит кров Пенфея? Эй, скорее поднимайтесь! Надо мужества набраться и прогнать из тела трепет!	605
Хор	Величайшее светило наших звучных вакханалий, как мы рады нашей встрече! Как здесь пусто и уныло!	
Дион.	Вы совсем поникли духом, зная, что меня уводят, что я скоро буду брошен в чёрную тюрьму Пенфея?	610
Хор	Как иначе? Кто спасёт нас, если зло тебя постигнет? Как же ты освободился после спора с нечестивцем?	
Дион.	А я просто взял и вышел, без малейшего усилья!	
Хор	Но тебе связал он руки неразрывными узлами!	615
Дион.	Это я над ним смеялся. Веря, что меня он вяжет, он меня не тронул вовсе, лишь питал мечты пустые! Он быка нашёл у ясель, где хотел меня неволить, и ему набросил петли на колени, на копыта, тяжело дыша от гнева, весь испариной покрывшись и себе кусая губы – я же был неподалёку, молча сидя, наблюдая. В это время Вакх явился, дом сотряс, раскинул пламя по гробнице материнской. Царь увидел и подумал, что дворец его пылает, заметался, загорланил, чтоб тащили Ахелоя! ⁷⁴	620 625

⁷³ «Дионис внутри!»

	Все рабы засуетились над работой бесполезной. Вскоре он оставил это, посчитав меня сбежавшим, чёрный меч из ножен вырвал и пропал в покоях дома. Тут мне кажется, что Бромий (это лишь моё суждение) во дворе мой призрак создал. Мигом царь к нему метнулся, меч вонзая в ясный воздух, искромсать меня желая!	630
	Кроме этого, приносит Вакх ему другие беды – бог на землю дом обрушил, уничтожил совершенно! ⁷⁵ Царь почувствовал всю горечь уз моих невыносимых, бросил меч, совсем поникнул. Попытался этот смертный завязать сражение с богом! Я же вышел преспокойно из дворца и к вам явился. До Пенфея нет мне дела!	635
	Скоро, как я понимаю (башмаки стучат за дверью), выйдет он во двор из дома. Интересно, что он скажет? Я его легко сломаю. Пусть кряхтит и гневом пышет, мудрецу же подобает оставаться хладнокровным.	640
Пенф.	Беда-то! Вот беда! Сбежал мой чужестранец, а только что был весь верёвками обвязан! А! А!	
	Кто этот человек? Что это происходит? Как вышел ты во двор? Ты это там, у двери?	645
Дион.	Спокойно, не вопи! Смягчи подошвы гнева!	
Пенф.	Как отцепился ты? Как выскочил наружу?	
Дион.	Я, помнишь, говорил, что руки мне развяжут?	
Пенф.	Да кто же, боже мой? Ты снова вздор городишь!	650
Дион.	Кто напоил весь мир лозою многогрозной.	
Пенф.	<Ты от своей лозы совсем ума лишился!> ⁷⁶	
Дион.	Упрёк твой прозвучал во благо Дионису! ⁷⁷	
Пенф.	Эй! В стенах городских заприте все ворота!	
Дион.	Ты думаешь, что бог не перепрыгнет стену?	
Пенф.	Умён ты, дорогой! Да всё не там, где нужно!	655
Дион.	Ничуть. Умён я там, где ум всего нужнее. Вон человек идёт, а ты его послушай, спустился он с горы, неся тебе известье. А я тут постою и никуда не денусь.	
ВЕСТНИК		
	Пенфей, великий царь земли своей фиванской! Я прихожу сюда, покинув Киферон, где длится целый век паденье хлопьев чистых.	660
Пенф.	Зачем же ты пришёл? Что нового стряслось?	
Вест.	Вакханок видел я. Как пары белых копий, мелькали ноги их, отсюда уносясь. Иду тебе сказать и городу, властитель, о странных чудесах превыше всех чудес! Я только знать хочу, мне нужно ль побережся	665

⁷⁴ Т.е. воду из реки Ахелой. Часто река отождествляется со своим богом.

⁷⁵ Вероятно, имеется в виду не весь дворец, а лишь одна какая-нибудь постройка.

⁷⁶ Эта строка не сохранилась и приводится в моей реконструкции.

⁷⁷ «Упрёк твой прозвучал Дионису во благо!»

и парус языка немного подобрать?
Порывистый твой нрав страшит меня, властитель, 670
уж больно ты гневлив и царственен с людьми!
Пенф. Не бойся! Говори! Ты здесь не пострадаешь!
Нет смысла свирепеть из-за правдивых слов.⁷⁸
Чем больше ты всего расскажешь про вакханок,
тем строже я смогу вождя их наказать, 675
который волшебством поработает женщин!

Вест. Стада моих коров уже почти взошли
на полый склон горы, и жаркое светило
по млеющей земле разбрызгало лучи.
Я женщин увидел, три группы. Автоноя 680
вела одну из них. Твоя Агава-мать
была вождём второй. Ино царила в третьей.
Все спали на земле, устав от беготни.
Одни легли спиной на пихтовые ветви,
другим смягчала сон дубовая листва. 685
Всё было чинно там. Напрасно ты считаешь,
что пьют они вино и бегают в леса
под визг безумных флейт прислуживать Киприде.
Проснулась мать твоя и начала кричать,
среди вакханок встав и сон их прогоняя, 690
когда к ней донеслось мычанье тучных стад.
И, выронив из глаз роскошную дремоту,
все стройно поднялись, и матери семейств,
и девочки совсем, и дряхлые старухи.
Густой поток волос на плечи уронив, 695
небриды подобрал, где ослабели пути,
они вязали вновь наряд из пёстрых шкур
верёвками гадюк, лизавших женщин в щёки.
Какие-то из них кормили молоком
(оставшись без детей) волчонка, косулёнка, 700
давая им свою наполненную грудь,
какие-то плели из гибкой повилики,
из дуба, из плюща душистые венки.
А кто-то по скале ударил крепким тирсом,
и брызнула струя блистающей воды, 705
и кто-то на траву поставил гибкий нартекс,
и бог из-под земли пустил струю вина.
Желавшие вкусить и белого напитка
копали рыхлый торф, и прямо из него
вкушали молоко. По тирсам плющеносным 710
струился нежный мёд. Увидев это сам,
ты перестал бы, царь, сопротивляться богу
и гневную хулу молитвой бы сменил!
Сошлись поговорить, побыть немного вместе
все наши пастухи овец, коров и коз. 715
Когда о чудесах мы начали рассказы,

⁷⁸ Эта строка считается подложной.

из города пришёл бродяга и болтун,
подсел к нам и сказал: «Эй, жители священных
и травоносных гор! Не выловить ли нам
из этих буйных толп Агаву, мать Пенфея? 720
Порадуем царя?» Слова его пришлись
всем нашим по душе. Мы сделали засаду
в раскидистых кустах. Урочный час настал,
взметнулся звонкий тирс, вакханки закружились,
Иакха⁷⁹ вознося и Бромия зовя, 725
плод Зевсова бедра! Слились гора и звери
в движении одном, объявшем всё вокруг!
Когда ко мне прыжком приблизилась Агава,
я на ноги вскочил и устремился к ней
из пышного куста, где прятался в засаде. 730
Она как закричит: «Эй, гончие мои!
Мужчины ловят нас! Быстрее! Хватайте тирсы!
Бегите все за мной с оружием в руках!»
А мы помчались прочь от бешеных вакханок,
иначе всё, конец! Паслись в траве стада, 735
те бросились на них без палок, без кинжалов!
Ты их видал бы, царь! Глуша истошный рёв,
одна телицу рвёт с прекрасными сосцами,
другие потрошат прядяющих коров!
Ты рёбра бы видал, взлетающие к небу, 740
красные ряды раздвоенных копыт,
висящих на сосне, уже совсем багровой!
Свирепые быки, сверкавшие огнём
из-под суровых век, легко валялись наземь
от страшного толчка несметных женских рук! 745
Те женщины быстрее сдирали клочья мяса,
чем ты, мой господин, смыкаешь веки глаз.
Потом, как стая птиц, у самых струй Асопа,⁸⁰
по пологу равнин, где пышный урожай
готовится для Фив, помчались те вакханки 750
и шумно ворвались, как армия врага,
в Эритры,⁸¹ Гисии,⁸² на склоны Киферона,
ломая всё вокруг, швыряя и круша!
Врывались и в дома, грудных детей хватали,
которые с их плеч не сваливались в грязь, 755
ещё на их плечах держалось без верёвок
любое вещество, железо или медь,⁸³
а волосы цвели огнём неопалимым!
Ограбленный народ накинудся на них,
и тут я, господин, такое видел чудо: 760
налётчицам копьё не наносило ран,

⁷⁹ Иакх (Ἰακχος) – прозвище Диониса.

⁸⁰ Асоп (Ἀσώπιδος) – река, протекающая мимо Киферона.

⁸¹ Эритры (Ἐρυθραί) – город на склоне Киферона, недалеко от Фив.

⁸² Гисии (Ἰγισία) – город на склоне Киферона.

⁸³ Эта строка считается подложной.

	их не рубил топор ни медный, ни железный, ⁸⁴	757a
	но женщины легко изранили мужчин, метая тирсы в них, спастись заставляя, тут явно некий бог вакханкам помогал!	
	Назад они пошли, откуда появились,	765
	к источникам своим, созданьям божества, и стали кровь смывать, и слизывали змеи с их запотевших щёк растопленный рубин.	
	Кто б ни был этот бог, его ты, повелитель, в свой город пропусти! Во многом он велик,	770
	и слышал я ещё, что виноградной гроздью он смертных одарил, смягчая их тоску, поскольку без вина не будет ни Киприды, ни счастья, ни утех для смертных на земле!	
Хор	Боюсь я говорить с тираном слишком вольно, но всё-таки скажу: великий Дионис	775
Пенф.	любому божеству ни в чём не уступает! ⁸⁵ Уже к нам подступил вплотную, как огонь, вакхический разврат. Какой позор Элладе! Довольно ждать! Слуга! Ты всем, кто носит щит, собраться прикажи у самых врат Электры, ⁸⁶	780
	и всадников зови на быстрых лошадях, пелтастов ⁸⁷ и стрелков, которые руками натягивают смерть! Отправимся на бой с вакхическим врагом! Терпеть невыносимо	785
Дион.	весь этот стыд и срам, что женщины творят! Мои слова совсем тебя не убедили, Пенфей. Прошу, очнись! Меня ты притеснил, но к разуму вернись, немного успокойся и с богом не борись! Ты с полновзвучных гор вакханок не сведёшь! Тебя не пустит Бромий!	790
Пенф.	Не поучай меня! Ты вышел из тюрьмы, так волей дорожи, а то на цепь вернёшься!	
Дион.	Я жертву бы принёс, не лез бы на рожон и, смертный человек, не воевал бы с богом!	795
Пенф.	А я и принесу! Зарежу всех менад, как требует закон, в долинах Киферона!	
Дион.	Рассеют ваш отряд, и будет стыдно вам, что медные щиты не выдержали тирсов!	
Пенф.	Но как же ты болтлив, жилец далёких стран! В оковах, без оков – никак ты замолкаешь!	800
Дион.	Послушай, милый друг! Не поздно всё вернуть!	
Пенф.	И как же? Стать рабом? Прислуживать рабыням?	
Дион.	Я женщин приведу без помощи мечей.	

⁸⁴ Эта строка сохранилась частично, и восстановлена мною.

⁸⁵ «но всё-таки скажу: несколько не слабей
любого божества великий наш Дионис!»

⁸⁶ Одни из семи врат города Фивы, названные так в честь Электры, дочери Агамемнона.
Электрины врата находились в южной части города и вели на дорогу к подножью Киферона.

⁸⁷ Пелтаст (πελταστής) – лёгкий пехотинец.

Пенф.	Опять он мне плетёт какую-то засаду!	805
Дион.	Я просто волшебством хочу тебе служить.	
Пенф.	Вы сговорились так, чтоб вечно славить Вакха!	
Дион.	Ты всё и понимай, как сговор с божеством.	
Пенф.	Оружие сюда! Закрой свой рот, приятель!	
Дион.	Эй! ⁸⁸	810
	А хочешь ты в горах на женщин поглядеть?	
Пенф.	Хочу! И я готов дать золота за это!	
Дион.	Ты что так покраснел? Откуда эта страсть?	
Пенф.	Но женщины пьяны! Мне это горько видеть!	
Дион.	А разве красота не может быть горька?	815
Пенф.	Я рад бы посидеть под елью, тихо-тихо.	
Дион.	Как ни крадись, мой друг, они тебя найдут.	
Пенф.	Всё верно говоришь. Итак, пойду открыто!	
Дион.	Мне отвести тебя? Ты что, уже пошёл?	
Пенф.	Да-да, веди скорей! Противно здесь томиться!	820
Дион.	Ты пеплос-то надень! Почувствуй нежный лён!	
Пенф.	А разве не грешно стать женщиной мужчине?	
Дион.	Поберегись, мой друг! Мужчину там убьют!	
Пенф.	Вновь мудрые слова! С утра умом ты блещешь!	
Дион.	Отмерил мне ума великий Дионис. ⁸⁹	825
Пенф.	Но как осуществить наш замысел отменный?	
Дион.	Я в дом с тобой войду. Найду тебе наряд.	
Пенф.	Пошитый для кого? Для женщины? Мне стыдно!	
Дион.	А ты уже менад не хочешь посмотреть?	
Пенф.	Какое же ты мне придумал украшеньё?	830
Дион.	Я волосы тебе сначала удлиню.	
Пенф.	А дальше? Говори! Ещё ты чем украсишь?	
Дион.	Повязкой головной и пеплосом до пят.	
Пенф.	А дальше? Дальше что? Как ты меня нарядишь?	
Дион.	Я тирс тебе найду с небридою рябой.	835
Пенф.	Нет-нет! Я не могу, как женщина, одеться!	
Дион.	Зато ты кровь прольёшь, вакханок разобьёшь!	
Пенф.	Ты прав. Но мы должны отправиться в разведку!	
Дион.	Так лучше, чем бедой улавливать беду!	
Пенф.	Но как уйти в луга украдкой от кадмейцев?	840
Дион.	По улицам пустым. Я поведу тебя!	
Пенф.	Всё выгодней, чем стать насмешкой для вакханок!	
Дион.	Пошли-ка во дворец, <найдем тебе наряд!> ⁹⁰	843a
Пенф.	<Ты только не спеши!> Я сам приму решение!	843b
Дион.	Отлично, старина! А я на всё готов!	
Пенф.	Ну ладно. Я пошёл! Надену там доспехи, а, может быть, решу послушаться тебя!	845
Дион.	Вот, женщины мои! Он сам заходит в сети! К вакханкам он пойдёт и кару понесёт!	848 847

⁸⁸ Наверное, это магическое восклицание, потому что мысли Пенфея сразу принимают иное направление.

⁸⁹ «Мне этот светлый ум Дионис даровал.»

⁹⁰ Текст в этой строке и следующей, заключённый в треугольные скобки, не сохранился и приводится в моей реконструкции.

Работай, Дионис!⁹¹ Я знаю, что ты близко!
Злодею отомстим! Своди его с ума, 850
но только по чуть-чуть! Незамутнён рассудком,
он платье ни за что не станет надевать,
а, разум потеряв, нацепит всё, что нужно!
Пусть высмеет его народ великих Фив,
когда он выйдет в путь, по-женски разодетый! 855
Как он меня теснил, как страшно угрожал!
Однако я пойду, надену на Пенфея
наряд, в котором он отправится в Аид,
вина родную мать! Да, явится злодею
сын Зевса, Дионис! он самый страшный бог 860
в мистериях своих, но для людей кротчайший!

Хор

В хороводах, водимых ночью,
мне придётся ль ходить когда-то
белой ножкой, с глубокой страстью,
охлаждая росой шею, 865
словно юная лань, играя
среди зелёных восторгов луга,
если лань убежит от бойни,
от загонщиков кровожадных,
перепрыгнув тугие сети 870
под охотничий крик, бодрящий
свору гончих неутомимых,
уносясь по траве рывками,
словно ветер, задувший буйно,
на равнину, где блещет речка,
торжествуя в местах безлюдных, 875
в заплетеньях густого леса?

В чём же мудрый и в чём достойный
дар богов для обычных смертных,
как не в том, чтоб с великой силой
шею вражью сгибать рукою? 880
Что прекрасно, то нам и мило!

Сила божья идёт неспешно,
но вовеки неудержимо,
исправляя природу смертных,
почитающих неразумье, 885
не желающих делать благо,
утопающих в тёмных мыслях!
Боги прячут разнообразно
величавую поступь жизни,
уловляя людей безбожных! 890
Нам нельзя ни в делах, ни в мыслях
над законами возноситься,

⁹¹ «Дионис, потрудись!»

- ведь не сто́ит больших усилий
признавать полновластность бога,
(кем бы он ни решил явиться),
почитая дела благие,
гармоничные всей природе! 895
- В чём же мудрый и в чём достойный
дар богов для обычных смертных,
как не в том, чтоб с великой силой
шею вражью сгибать рукою?
Что прекрасно, то нам и мило! 900
- Тот блажен, кто избегнул шторма
и в спокойную прибыл гавань!
Тот блажен, кто осилил беды
на земле, где друг друга давят
и богатством, и грубой силой! 905
А в несметных сердцах пылают
и несметные ожидания,
кто-то с ними найдёт богатство,
кто-то нищим уйдёт в могилу, 910
я сочту лишь того блаженным,
кто живёт в каждодневном счастье!
- Дион. Эй ты, смотрящий вдаль, куда смотреть не надо!
Пенфей, бегущий вскачь, куда бежать не стоит!
Из дома выходи! Явись передо мною
в наряде женщины, менады и вакханки,
лети глядеть на мать и на её отряды! 915
Как всё же ты похож на дочь седого Кадма!
- Пенф. Мне кажется теперь, что вижу я два солнца!
Я вижу двое Фив! Два града семивратных!
Ты в облике быка передо мною ходишь,
на голове твоей рога произрастают! 920
Всегда ты зверем был? Ты стал быком, бесспорно!
- Дион. Немилостивый бог нам другом обернулся!
Ты видишь только то, что требуется видеть!
- Пенф. Похож я на Ино́? Я выгляжу красиво? 925
Прельстителен ли я, как мать моя, Агава?
- Дион. Смотрю я на тебя, и вижу их обеих!
Но с места своего вот этот локон сбился,
хоть я его и сам приладил под повязкой!
- Пенф. Я головой мотал, как будто я вакханка,
по комнатам бродя, вот локон и сместился! 930
- Дион. А мы его возьмём и подоткнём обратно!
Теперь я твой слуга! Держи прямее шею!
- Пенф. Причѣсывай меня! Я тоже твой всецело!
- Дион. Твой пояс ослабел и пеплос распустился! 935
И складки невпопад на голени упали!
- Пенф. Ах, боже мой! Ты прав! Но это только справа!

	На левой же ноге до пяток пеплос ровен!	
Дион.	Ты сделаешь меня своим любимым другом, вакханок увидав, на удивленье смирных!	940
Пенф.	А тирс какой рукой держать мне? Правой?левой? Хочу вакханкой стать! Ну прямо настоящей!	
Дион.	Тирс в правой должен быть, и двигаться при шаге в такт правой же ноге. Как ты изящно мыслишь!	
Пенф.	Скажи, а я смогу взвалить себе на плечи слоистый Киферон и всех твоих вакханок?	945
Дион.	Ты только пожелай! Ты раньше был безумцем, зато, любезный друг, теперь твой ум что надо!	
Пенф.	А ломы нужно брать? Нет! Голыми руками схвачу я валуны и локтем сдвину горы!	950
Дион.	Прошу тебя, мой друг! Ты храмы нимф не трогай! Дом Пана не круши, где он дудит на флейте!	
Пенф.	Ты дело говоришь! Мы женщин одолеем не силой наших рук! Под елями я скроюсь!	
Дион.	Ты скроешься туда, куда и должен скрыться пришедший наблюдать за толпами вакханок!	955
Пенф.	Я их найду, как птиц, под кронами лесными, щебечущих в сетях наисладчайшей страсти!	
Дион.	Такая цель твоя, достойный страж порядка! Добычею не став, ты точно их добудешь!	960
Пенф.	Веди, веди меня! Открыто, через Фивы! На подвиг я иду, как истинный мужчина!	
Дион.	Один ты тут герой! Один за всех воюешь! Начнётся скоро бой, тебя вполне достойный!	
	Пойдём же! Я с тобой, твой спутник и спаситель!	965
	Прибудешь ты назад... Пенф. Да! С матерью, конечно!	
Дион.	На обозренье всем... Пенф. Я этого и жажду!	
Дион.	Вернёшься на руках... Пенф. Вот роскошь, право слово!	
Дион.	...у матери своей... Пенф. Ты сердце мне разнежишь!	
Дион.	Я это и люблю! Пенф. Я жребий свой поймаю!	970
Дион.	Да! Страшен, страшен ты! И страшно пострадаешь! Но будешь награждён и славою до неба! Агава, мать царя! И сёстры, семя Кадма! Прострите руки ввысь! Героя молодого веду я к вам на смерть! Нам с Бромием победу доставит этот бой! А что потом – посмотрим!	975
Хор	Вы, Лиссовы ⁹² псы! На гóру бегите! Там сёстры сидят, наследницы Кадма! Разгневайте их! Да будет растерзан идуший туда под женской личиной глядеть на менад безумец несчастный! Любимая мать увидит, увидит с пустынной скалы, с верхушки сосновой, как прячется он, и крикнет менадам:	980

⁹² Лίσσα (Λύσσα) – персонификация бешенства и безумия.

«Вакханки, кто там? Кто ищет кадмеек,
на гóру взойдя, по склону взобравшись?
Кто мать наглеца?
Не женщина в муках
рожала его, но дикая львица,
одна из Горгон в ущельях ливийских!»

985

990

Пускай заблестит, взойдёт Справедливость,
и меч принесёт, чтоб кровью из горла
залился наглец, преступник, безбожник,
рождённый землёй щенок Эхионов!

995

Он злобным умом и мыслью неправой
твой славный обряд в честь матери милой⁹³
низвергнет, мой Вакх!

Выходит он в бой, безумствуя сердцем,
чтоб силой теснить всеильного бога!

1000

Лишь верная смерть смирит богохульство!⁹⁴

Лишь тот, кто живёт, как смертным пристало,
не будет разбит невзгодами жизни!

Не хочется мне быть сáмой премудрой,
но я за другим величьем охочусь,

1005

за жизнью святой,

вседенной, всенóщной,

за сердцем благим, отвергшим поступки
негодных людей, не знающих бога!

1010

Пускай заблестит, взойдёт Справедливость,
и меч принесёт, чтоб кровью из горла
залился наглец, преступник, безбожник,
рождённый землёй щенок Эхионов!

1015

Приди к нам, как бык, рогатый, могучий!

Явись, как дракон, свирепый, стоглавый!

Как огненный лев!

О Вакх, приходи смеющимся зверем,

1020

петлю затяни на шее злодея,

лишь явится он, тот ловчий вакханок,

и в тóлпы менад преступно ворвётся!

ВЕСТНИК <ВТОРОЙ>

О дом, ты так расцвёл на благо всей Элладе!

Тут жил сидонский царь, который бросил в землю⁹⁵

1025

драконий урожай, растущий под землёю!

Как жалко мне тебя! Я только раб, но всё же
господская беда терзает слуг хороших!⁹⁶

⁹³ Подлинность этой строки подвергается сомнению.

⁹⁴ Эта строка и пять последующих (до слова «святой») плохо сохранились, поэтому смысл восстанавливается приблизительно.

⁹⁵ Эта строка и следующая считаются подложными.

Хор	В чём дело? Ты принёс известье от вакханок?	
Вест.	Безжалостно убит Пенфей, сын Эхиона!	1030
Хор	О, Бромий-господин! Ты вправду бог великий! ⁹⁷	
Вест.	Ты что! Ты что несёшь! Ты, женщина, довольна, что горестной судьбой хозяин мой повержен?	
Хор	Я, гостя чуждых стран, по-варварски ликую и больше не дрожу, страшась оков железных!	1035
Вест.	Смотри, фиванский град не всех мужчин лишился! <Следи за языком, а то утрёшься кровью!> ⁹⁸	
Хор	Мной Дионис повелевает, лишь Дионис, не ваши Фивы! ⁹⁹	
Вест.	Вас можно извинить, но в этот час ужасный вам, женщины, нельзя так бурно веселиться.	1040
Хор	Ты скажи, ты поведай: как умер негодный начинатель негодных, преступных деяний? ¹⁰⁰	
Вест.	Оставив позади фиванские селенья и быстро перейдя Асоповы потоки, мы поднимались вверх по склону Киферона (как преданный слуга, я провожал Пенфея), на зрелище мы шли, а вёл нас чужестранец. Сперва мы залегли на поле травянистом, стараясь не шептать и не шуршать ногами, нам было видно всё, а нас никто не видел.	1045
	Там есть росистый дол в тугом кольце утёсов, глотающий ручьи под сенью пышных сосен, сидел там круг менад за тихим рукодельем. Одни густым плющом обматывали тирсы, которые слегка поникли, пожелтели, другие пели гимн, перекликаясь громко, как стайка жеребят без крапчатых уздечек. А бедный наш Пенфей, желая видеть женщин получше, говорит: «Отсюда, чужестранец, не разглядеть менад, безумьем заражённых.	1050
	Вон тянет шею ель над самыми холмами, я на неё взберусь и разгляжу развратниц!» И чудо сотворил наш спутник чужеземный – верх ели ухватив, утопленный в лазури, он гнул его и гнул до самой чёрной почвы.	1055
	Круглилась ель, как лук, растянутый для битвы, как образ колеса, прочерченный струною – так этот горный ствол тянул к земле руками пришлец из чуждых стран! Так смертный не сумеет! Пенфея усадив на ветви этой ели,	1060
		1065
		1070

⁹⁶ Эта строка повторяется в «Медее» и считается вставкой.

⁹⁷ Эта строка плохо сохранилась.

⁹⁸ Эта строка не сохранилась и приводится в моей реконструкции.

⁹⁹ «Дионис мной повелевает, один Дионис, а не Фивы!»

¹⁰⁰ Хор находится в таком восторженном нетерпении, что сбивается с ямбического trimetra на другие размеры.

он руки разжимал, неспешно, понемногу,
 следя, чтоб господин случайно не сорвался.
 И распрямилась ель, верхушкой в синь упёрлась,
 а на её хребте сидел мой повелитель,
 менадам всем открыт, и видя их отчасти. 1075

Едва он всплыл в лазурь, сидящий на макушке,
 как вдруг совсем пропал наш непостижный спутник,
 и кто-то закричал из ясного эфира,
 наверно, Дионис:¹⁰¹ «Я к вам привёл, подруги,
 того, кто вас, меня и все мои обряды 1080
 насмешкам подвергал! Карайте нечестивца!»
 Пока он говорил, меж небом и землёю
 поднялся белый столп священного пыланья.
 Совсем затих эфир, в долине перестала
 пощёптывать листва, и звери замолчали. 1085

Вакханки поднялись и стали озираться,
 ещё не уяснив, что говорил им голос.
 Он снова зазвучал. Теперь семейство Кадма
 услышало вполне благие речи Вакха
 и стройно понеслось, не медленней голубок, 1090
 блестя рядами ног в упругом, лёгком беге,¹⁰²
 Агава, мать царя, и с ней родные сёстры.
 Вакханки потекли по валунам, потокам,
 пылая божеством, его дыханьем жарким.
 Увидев же царя, сидящего на ели, 1095
 они в него сперва булыжники швыряли,
 взобравшись на скалу, стоящую напротив,
 и метили в него еловыми ветвями,
 метали тирсы ввысь, желая сбить Пенфея,
 несчастную мишень – однако безуспешно. 1100

Огромной высотой спасён от их усердья,
 бедняга наш сидел, беспомощный, дрожащий,
 а те свалили дуб, повырывали ветви,
 выламывали ель ломами без металла.
 Когда же взяли в толк, что это бесполезно, 1105
 Агава говорит: «Менады! В круг вставайте,
 качайте стебелёк! Сидящего там зверя
 стряхните поскорей, чтоб тайные обряды
 он всем не разгласил!» И сотни рук немедля
 схватили эту ель и вырвали из почвы! 1110

Пенфей, хрустя листвой, свергается на землю
 с немалой высоты, стеная неумолчно
 и чувствуя вблизи стремительное горе!
 Родная мать его, как правящая жрица,
 убийство начала. С волос повязку сбросив, 1115
 он громко заклинал несчастную Агаву
 не убивать его. Щёк матери касаясь,

¹⁰¹ «Дионис, может быть»

¹⁰² Эта строка и следующая считаются подложными.

он плакал, он молил: «Не надо! Мама! Мама!
Я сын твой! Это я! Пенфей, сын Эхиона!
Ах, сжался надо мной! Я ошибался, мама! 1120
Не убивай меня, ведь я твой сын любимый!»
Она же, изо рта пуская струи пены,
кося зрачками глаз, не понимала сына,
рассудка лишена и Вакхом одержима!
За левую ладонь она схватила сына, 1125
под рёберную клеть своей ногой упёрлась
и выдрала плечо – не собственной силой,
но это бог придал её рукам проворство.
Ино́ же занялась другою стороною,
растерзывая плоть, и с нею Автоноя, 1130
и вся толпа менад! Гора тряслась от крика,
и бедный царь стенал, и женщины вопили,
пока он был живым. Та руку тащит, эта –
обутую ступню. Ободранные рёбра
белеют и блестят, и, все в крови, вакханки 1135
друг другу, точно мяч, Пенфеев труп кидают!
Разодран весь мертвец – кусок на горном склоне,
кусок в густом лесу. Собрать его не просто!
И получилось так, что голову страдальца
схватила мать его и тут же насадила 1140
на тирс, вообразив, что это лев пещерный
лишился головы! Своих сестёр оставив
плясать в кругу менад, она по Киферону
спускается сюда, гордясь добычей страшной,
подходит ко дворцу и громко кличет Вакха, 1145
напарника её, помощника в охоте,
победою своей добывшего ей слёзы!
Пойду-ка я теперь, пока здесь нет Агавы,
я не хочу опять увидеть этот ужас.
Воздержанная жизнь и богопочитанье – 1150
вот высшие блага! Я думаю, что в этом
наимудрейший дар и достоянье смертных!

Хор Давайте плясать и Вакху служить,
давайте кричать, шуметь, ликовать,
что сгинул Пенфей, драконий щенок, 1155
укрывший себя под женский наряд,
и нартекс тугой поднявший, как тирс,
надёжной тропой ступая в Аид
под взором быка, вершителя бед!
Кадмейский народ, вакханки мои! 1160
Но как вы могли победную песнь
в кипение слёз и в стон превратить?
Достойнейший труд – родное дитя
убить, обхватить кровавой рукой!

	Подруги, вижу я, как шествует к воротам, кося безумный взгляд, Агава, мать Пенфея. Готовьтесь к торжеству вакхического бога!	1165
АГАВА		
Аг.	Азийские вакханки! Хор Что хочешь ты, подруга? Несу я с гор высоких плющ, срезанный недавно, чтоб мой дворец украсить, счастливую добычу!	1170
Хор	Всё вижу, понимаю! Ты – наша, дорогая!	
Аг.	Я львёночка поймала, сыночка <львицы горной>, ¹⁰³ вот этими руками, не расставляя сети! Смотрите же, смотрите!	1175
Хор	А где? В какой долине?	
Аг.	Наш Киферон высокий... Хор Ты «Киферон» сказала?	
Аг.	...забрал его дыханье!	
Хор	А зверя кто ударил? Хор Я первая! За это зовусь я в хороводах счастливою Агавой!	1180
Хор	И кто же был с тобою? Аг. Рождённые от Кадма...	
Хор	От Кадма, говоришь ты? Аг. ...мои родные сёстры!	
Аг.	За мной, за мной на зверя они гурьбой помчались! Прекрасная охота!	
Аг.	Идите к нам на праздник! Хор Куда идти, бедняжка? Такой телёнок мягкий! Раздался нежным цветом пушистый подбородок под шлемом завитушек!	1185
Хор	Да, правда! Что за грива! То зверь, живущий в поле!	
Аг.	Великий Вакх-охотник, наш дельный предводитель, премудростью своею толпу менад направил, и мы забили зверя!	1190
Хор	Наш вождь – великий ловчий!	
Аг.	Я славно поступила? Хор Конечно! Молодчина!	
Аг.	Увидят все кадмейцы...	
Хор	И твой Пенфей любимый! Аг. Он мать свою похвалит за то, что я убила ребёнка злобной львицы!	1195
Хор	Чудесную добычу! Аг. И взятую чудесно!	
Хор	Ты рада? Аг. Я ликую! Я подвиг совершила, невероятный подвиг, великий-превеликий, сегодня на охоте!	
Хор	Несчастливая моя, ты покажи всем людям, какой ты принесла трофей победоносный!	1200
Аг.	Эй, доблестный народ, защитник стройных башен и обитатель Фив! Смотри, что за добыча забита дочерьми, рождёнными от Кадма! Не дротики с ремнём, орудье фессалийцев,	1205

¹⁰³ Текст, заключённый в треугольные скобки, не сохранился и приводится в моей реконструкции.

	свершили это всё, и не тугие сети, но пальцы наших рук, белеющих локтями! Зачем у мастеров заказывать нам копья? Зачем нам их метать? На части разорвали мы зверя просто так, вот этими руками!	1210
	Где мой старик-отец? Пускай придёт скорее! А где Пенфей, мой сын? Пусть лестницу прихватит, да только подлинней, взберётся по ступеням со львиной головой, добытой на охоте, и там её гвоздём к триглифам ¹⁰⁴ приколотит!	1215
Кадм	Эй, следуйте за мной! Пенфея выносите, ваш безотрадный груз! Идите, слуги, к дому! Все горы исходив, несу я это тело, которое нашёл в долинах киферонских и по кускам собрал! Он был везде разбросан, во всём глухом лесу, а не в одном лишь месте. О милых дочерях, о страшном их поступке мне кто-то рассказал, когда мы в этот город с Тиресием седым вернулись от вакханок. ¹⁰⁵	1220
	На гору я пошёл и вот, несу оттуда труп внука моего, попавшего к менадам. Я видел на горах супругу Аристея, мать Актеонову, Ино и Автоною. Страдалицы кричат и прыгают по роще, Агава же сюда вакхической стопою, пошла, мне говорят. Правдивы эти слухи!	1225
Аг.	Я вижу дочь мою! Но я не рад нисколько! Любимый мой отец! Тебе пора гордиться своими дочерьми, затмившими всех смертных! Мы все так велики! Но я достигла неба!	1230
	Прочь кросна, челноки! Дана мне волей бога возвышеннее цель – зверей ловить руками! Смотри-ка! Я держу, как сам ты ясно видишь, победный мой трофей, и мы его повесим на доме! Да, отец! Возьми добычу в руки, возвеселись душой, гордись моим уловом, зови друзей на пир! Ты в нас обрёл блаженство!	1235
	Блаженство, мой отец! Мы подвиг совершили! Какая в сердце скорбь! Невидимое горе! ¹⁰⁶ Усильем жалких рук свершённое убийство! Ты потчуеть богов такой прекрасной жертвой, меня зовёшь на пир, и приглашаешь Фивы! Как будешь ты страдать, и я с тобою вместе! Нас Бромий покарал за дело, но чрезмерно,	1240
Кадм		1245

¹⁰⁴ Триглиф – повторяющийся декоративный элемент дорического фриза: прямоугольная плитка, разделенная бороздками на три вертикальных части.

¹⁰⁵ Кадм и Тиресий отправились вместе с другой группой вакханок совершать обряды, поэтому во всё время действия пьесы их не было в городе. Они узнали об убийстве Пенфея, когда возвращались домой.

¹⁰⁶ Эта строка и следующая считаются подложными.

	хотя он был рождён вот в этом самом доме!	1250
Аг.	Как старость у людей брюзглива и плюгава! Глаза их так мутны! Эх, стал бы мой сыночек охотником лихим, пошёл бы с мамой в горы, ловил бы там зверей с фиванцами-друзьями!	
	Но нет! Куда ему! Бодается он с богом!	1255
	Отец, пойдя к нему! Поговори с ребёнком! Кто приведёт его, чтоб он полюбовался, сыночек мой родной, победой материнской?	
Кадм	Ах, горькая беда! Когда бы вы постигли плоды своих же дел, как стали бы вы плакать!	1260
	Но, люди, вы всегда собою остаётесь, навек лишены и счастья, и несчастья!	
Аг.	Ну что ты помрачнел? Ты чем так недоволен?	
Кадм	Сначала посмотри на небо голубое.	
Аг.	Пожалуйста, смотри! Что нужно там увидеть?	1265
Кадм	По-твоему, оно никак не изменилось?	
Аг.	Оно теперь светлей. Наверное, прозрачней.	
Кадм	Ну а твоя душа? Трепещет, как и прежде?	
Аг.	Ты странно говоришь. Я будто просыпаюсь, из головы моей все мысли убегают.	1270
Аг.	Послушаешь меня? Ответишь мне разумно?	
Аг.	Забыла я, отец, про что мы говорили.	
Кадм	В чей дом пришла ты жить под пенью гимениев?	
Аг.	Ты выбрал, говорят, спартанца Эхиона.	
Кадм	Кого ты родила для мужа в этом доме?	1275
Аг.	Пенфея. Мой супруг – его родитель кровный.	
Кадм	Чья это голова, которую ты держишь?	
Аг.	А это горный лев, охотницы сказали!	
Кадм	Ты лучше посмотри. Для глаз мала работа.	
Аг.	Ой, что же я держу? Чего же я касаюсь?	1280
Кадм	Внимательно гляди, с глубоким постиженьем.	
Аг.	Смотрю в глаза беды! Как плохо мне, как тошно!	
Кадм	Ну разве это лев? Ты вправду так считаешь?	
Аг.	Я, бедная, гляжу на голову Пенфея!	
Кадм	Я плакал по нему ещё до узнаванья.	1285
Аг.	Но кто его убил? Как он попал мне в руки?	
Кадм	Да, правда, ты горька! И поздно ты приходишь!	
Аг.	Немедленно ответь! Иначе лопнет сердце!	
Кадм	Погублен он тобой и сёстрами твоими.	
Аг.	Но где же он погиб? Неужто в нашем доме?	1290
Кадм	На той горе, где псы сожрали Актеона.	
Аг.	Зачем на Киферон подался мой сыночек?	
Кадм	Позорить божество и тайну вакханалий!	
Аг.	А почему и мы на склоне оказались?	
Кадм	Вы были не в себе. Взбесились, как весь город.	1295
Аг.	Теперь я поняла! Мы жертвы Диониса! ¹⁰⁷	
Кадм	На вас обижен бог, что вы его не чтили.	

¹⁰⁷ «Нас погубил Дионис.»

Аг.	А тело где, отец? Где мой сынок любимый?	
Кадм	Мы принесли его, найдя с трудом немалым.	
Аг.	Всё собрано, скажи? Вы все сложили части?	1300
<Кадм	Нет, милая моя. Всё смешано ужасно.	
Аг.	Нам надо всё собрать! Не медля ни минуты!	
Кадм.	Конечно, соберём. И вымоем водою. ¹⁰⁸	
Аг.	Насколько же Пенфей делил моё безумье?	
Кадм	Он стал подобен вам, не почитая бога, и бог спаял всех нас единственным несчастьем, и вас, и вот его, чтоб дом наш уничтожить, да и меня, ведь я, без сыновей оставшись,	1305
	гляжу, бедняжка дочь, как плод родного чрева упал в такой позор, погиб так безобразно. Возлюбленный мой внук! Сын дочери любимой! Тобой прозрел наш дом, и ты держал нас вместе!	
	Ты город устрашал! Никто мои седины не думал оскорблять, имея пред глазами великий облик твой, боясь достойной кары!	1310
	Теперь ушла вся честь! Я буду скоро изгнан, великолепный Кадм, посеявший фиванцев, как дивный урожай, в распаханную землю!	1315
	Отрада глаз моих! Пускай теперь ты мёртвый, но я тебя люблю, ты внук мой драгоценный! Ты к бороде моей уже не прикоснёшься, мой мальчик дорогой, и не обнимешь деда, не скажешь: «Мой родной! Кто здесь тебя тревожит?	1320
	Кто оскорбил тебя? Кто сердце опечалил? Ты, дедушка, скажи! Я истреблю злодея!» Теперь несчастен я, и ты страданье принял, и мать убита злом, и весь наш род загублен!	
	И если кто-то есть, кто презирает небо, пусть, видя эту смерть, богов зауважает!	1325
Хор	Я сожалею, Кадм! Но внук твой был наказан по собственной вине, хотя тебе и больно!	
Аг.	Отец, ты видишь сам, как жизнь переменилась, ¹⁰⁹ как я превращена из радостной менады	1329

¹⁰⁸ Текст, заключённый в треугольные скобки, не сохранился и приводится в моей реконструкции.

¹⁰⁹ *Примечание переводчика:* На этом месте в рукописи большая лакуна. Утрата текста произошла после IX века. Количество утерянных строк точно неизвестно, их примерно от 50 до 100. Однако мы располагаем достаточным материалом, чтобы попытаться восстановить пропавший текст. На русском языке это делается впервые. В анонимном античном вступлении к «Вакханкам» говорится, что «Дионис, появившись <...>, обратился ко всем и разъяснил, что случится с каждым на деле, а не на словах, чтобы (впоследствии) какой-нибудь посторонний не презирал его, считая человеком» (здесь и далее цитаты в моём переводе). Греческий ритор Апсин из Гадары, преподававший своё искусство в Афинах около 235 года н.э., пишет следующее, объясняя, как нужно вызывать в слушателях жалость (Диггл III, 352): «У Еврипида мать Пенфея, Агава, освободившись от безумия и узнав собственного сына, разорванного на части, обвиняет себя и вызывает сострадание. ... Еврипид применил следующий способ, желая вызвать жалость к Пенфею: мать, беря в руки каждую из частей его

в поломанную мать, рыдающую горько,
несчастлива я теперь, а ведь была счастливой!
И что же делать мне? Как я смогу постигнуть
злодейство рук моих? Как пережить всё это?
Сыночек дорогой, несчастный мой ребёнок,
растерзанный толпой взбесившихся вакханок!
*Они тебе, сынок, не вырыли могилу!
Как с дерева тебя сводила я на землю?
Куда тебя мне класть, в какой закрыть гробнице?
Как тело завернуть? Какой мне выбрать пеплос?*Как больно, боже мой! Всё сердце плещет болью,
она меня трясёт и сдавливает горло,
*чтоб я из тьмы души мелодию исторгла,
целуя этот плод, моей рукой взращённый.*
Но как же целовать? Он весь в еловых иглах,
и глиною покрыт, и заскорузлой кровью!
*И как его прижать к моей груди несчастной,
как плакать по нему? Какую петь молитву?*Узнать я не могу любимого сыночка
в смещении костей, и синих вен, и мяса!
Я всё-таки сложу возлюбленное тело,
ему я возвращу подобье жалкой жизни,
скажу, что он заснул под алым покрывалом!
Мы встретимся опять, *хоть это для умерших
не может послужить счастливым утешеньем!*Хор Страдалица моя! Не надо так метаться!
Не первая ты мать, утратившая сына!
Аг. *Давай, старик-отец, мы голову приладим,
блаженную втройне, и развитое тело
обратно соберём! Приложим все старанья!
Любимое лицо! И щёки молодые!
Я голову твою накрою покрывалом,
а тело, всё в крови, в глубоких рвах царапин,
израненное сплошь, одену в новый пеплос!*Родимое лицо, ты мне не улыбнёшься
и губ не разожмёшь, кровавых, бледно-синих!
Ты что-нибудь скажи, молю тебя, сыночек!

тела, плачет сообразно с каждой из них.» Между IX и XIII вв. византийский автор (Псевдо-Григорий) сочинил длинную религиозную драму под названием «Христос страждущий» (Χριστός πάσχων, *Christus patiens*), щедро заимствуя строки из находящейся у него полной копии «Вакханок» и, видимо, слегка изменяя их в соответствии с новой, христианской, темой. Материал утраченной сцены, изъятый из этой византийской драмы, приводится в оксфордском собрании сочинений Еврипида (Диггл III, 354-5). Более того, сохранились два небольших частичных папирусных фрагмента, которые восстановил Эрик Доддс (*Euripides. Bacchae. Ed. E.R. Dodds. London: Clarendon Press, 1963. 243*), и четыре цитаты из античных авторов (Диггл III, 352, 356). Весь вышеупомянутый материал включён в мою реконструкцию утраченного текста и помечен звёздочками (*) в начале и конце каждого фрагмента. Восстановленный отрывок заключён в треугольные скобки (< >). Никак не помеченный текст внутри этих скобок принадлежит мне.

Пожалуйста, скажи, что ты меня прощаешь
 и маму подождёшь за неизбежной дверью!
 Вы, руки белые, наполненные силой,
 вам больше не обнять родную вашу маму!
 Я верила всегда, что вы меня сведёте,
 когда придёт мой срок, в молчащую гробницу!
 Вы, ноги крепкие, как вы легко ходили
 по нашему дворцу! Но вы не отведёте
 на пристань мать свою, где ожидает лодка,
 пропахшая смолой глухого подземелья!
 Сыночек мой родной, внутри меня ты бился,
 и наполнился душой, и отвечал толчками
 на ряд мужских имён, а я их повторяла,
 искала для тебя прекраснейшее имя,
 и вот нашла, нашла! Зачем же я внимала
 пленительным словам безумного бродяги!
 Зачем я подняла руками эту пакость,
 вот этот грязный тирс! Какой теперь он хрупкий!
 И можно ли сказать, что он совсем недавно
 кромсал и убивал? Как можно так забыться,
 чтоб сына не узнать? Я чудище! Я мерзость!
 Ни львица с диких гор, ни злобная волчица,
 ни гидра из пруда, клубок узлов поганных,
 не станут разрывать своих детей на части!
 А я ведь человек! Не гидра, не гиена!
 Куда меня несло? Нет-нет! Не постигаю!
 Так бог меня смутил, и умертвил мой разум,
 и в голову налил тягучего дурмана,
 бессовестный чужак... Хор Молчи, молчи, Агава!
 Не проклинай богов! Аг. ...желающий насилья
 и пьющий кровь детей! Хор Не навлекай проклятье
 на этот славный дом, уже и так несчастный!
 Аг. Ему-то всё равно, кто верит, кто не верит!
 Он всех людей разит, калечит, убивает!
 Ах, если б я могла себя порвать на части,
 с ребёнком дорогим в одно смешаться тело!
 Хор Приди в себя, безумная!¹¹⁰
 Аг. Почему мои руки такие слабые, почему?
 Хор Остановись, опомнись!
 Аг. Только волосы, только волосы могут они выдирать!
 На большее нет силы!
 Дионис, ты на всё способен! Ты превращал меня
 в зверя кровожадного, так преврати в мужчину
 хоть на мгновенье! Чтоб я самой себе скрутила шею!
 Отец, дай меч, прошу тебя! Дай что-нибудь,
 любое оружие, хотя бы верёвку! Отец!

¹¹⁰ Этот отрывок, состоящий из пятнадцати строк, реконструирован без размера, в подражание финалу «Ифигении в Авлиде», который может принадлежать Еврипиду, хотя это и оспаривается. В обоих отрывках напряжение достигает такого предела, что герои больше не в состоянии выдерживать ямб и временно переходят на ритмическую прозу.

Хор Я не могу больше переносить эту боль, не могу!
 Каadm, сделай что-нибудь! Она убьёт себя!
 Лишился внука ты. Так сохрани хоть дочь!
 Каadm Агава, успокойся. Перестань рыдать.
 Отца погубишь. Я уже едва держусь.
 Аг. Отец мой дорогой! Что делать? Посоветуй!
 Каadm. Терпеть, как я терплю. Все смертные страдают.
 Не лучшая судьба нам от богов досталась.
 Аг. Но мне никак нельзя перенести такое!
 Я всё уже *взяла*. Мне больше не по силам.
 Каadm Не отягчай беду ещё одной бедою.
 Ты всё же дочь моя. Держи себя достойно
 и не позорь отца, который был героем
 и Фивы основал, и разрубил дракона!
 Хор Старик, ты молодец! И говоришь прекрасно!
 Пускай придёт в себя! Не уважают боги
 ни слишком долгих слёз, ни лишнего веселья.
 Каadm Пенфей наказан был. Мы – смертные, не больше.
 Нет права у людей судить богов извечных.
 А нам дары богов даются не навечно,
 их потерять легко, нарушив благочестье.
 Я раньше был царём, имел такого внука!
 И вот, всего лишён. Конечно, по заслугам.
 Я с участью своей навеки примирился,
 *когда Пенфеев труп, растерзанный, багровый,
 сюда любовно нёс. Пойми, как я страдаю.
 Пусть каждый человек, увидев нас, постигнет,
 что Дионис рождён самим великим Зевсом!*¹¹¹
 Хор А вот и Дионис!¹¹² Он проступает в небе,
 над крышею дворца! Молчите и внимайте!
 Дион. Ты вовремя, старик, смирил свою Агаву,
 иначе бы она так тяжело пострадала,
 что нынешняя скорбь ей счастьем бы казалась!
 Не терпит божество, когда его ругают,
 и редко на земле стареет богохульник.
 Меня ты не почтил, фиванский славный город,
 не захотел принять родного сына Зевса,
 за это всё кнутом верховного возмездья
 сегодня ты почтён и карой справедливой.
 Хоть многие из вас мне сразу поклонились,
 я вовсе не забыл, как вы меня честили,
 *как сплетничали вы, кощунственно и лживо,
 что мой родной отец – какой-то проходимец,
 а я не потерпел такие оскорбления!*
 Отец мой, высший бог, был милосерден с вами,
 не мне его судить за эти настроенья.
 Он ваш бесспорный бог, хотя вы совершили

¹¹¹ «что Зевсом порождён божественный Дионис.»

¹¹² «Дионис к вам пришёл!»

ужасные дела, его родного сына
в темницу заточив! Какой венец нечестья!
Теперь я предреку, что всех вас ожидает,
в правдивости моей не стоит сомневаться!
Ваш город возрастет и облечется славой,
но не дано ему главенствовать в Элладе,
он будет разорён, познает он упадок
за то, что не признал вакхического бога!
Я вашего царя уже столкнул в погибель,
а ты послушай, Кадм! И ты, Агава, слушай!
*Он теми умерщвлён, кто был ему всех ближе,
избит, и оскорблён, и путами обвязан.
Так поступил народ, извечно им любимый,
так злобно был убит любезный благодетель,
однако он страдал не вовсе неохотно.
Не скрою я тех бед, что ваш народ раздавят,
не стану и молчать о будущих несчастьях.
Он бросит город свой и станет поневоле
меж варваров рабом и беженцем бесправным.
Его погонит бог по варварским пределам,
толкая и копьём, и горем бесконечным.
Всеобщий наш отец принудит всех злодеев
покинуть их страну и заплатить за скверну
тому, кто был убит их яростной рукою,
им больше не видать своей отчизны милой,
нельзя убийцам быть в одной стране с убитым!
Рассеется народ по многим государствам,
влача ярмо рабов, злосчастные созданья.*
А стонущая мать, родившая Пенфея,
пускай уходит прочь, в далёкое изгнанье,
ей больше не видать родных фиванских башен,
блистающих огнём живительного солнца.
Сегодня свершено ужасное злодейство –
убила сына мать, охвачена безумьем!
Растерзанный толпой, среди камней он умер,
по глупости своей придя в глухую чащу.
Убившая должна покинуть этот город,
забрав своих сестёр, пособниц преступленья!
*Тот жалкий человек, чей труп ты обнимаешь,
Агава, захотел священным вашим пляскам
препятствие создать! Но был Пенфей* бессилён
обряды прекратить *нечестием* бесстыдным!
Пусть каждый человек, *боящийся увидеть
возвратный свет* лучей, от бога исходящих,
о будущем своём серьёзно поразмыслит!
И ты послушай, Кадм, когда-то величавый!
Ты лично предо мной ни в чём не провинился,
но ты – глава семьи, настолько полной скверны,
что нужно и тебе подвергнуться бесчестию.
Твой милый внук, Пенфей, нанёс мне оскорбленье

Аг.	Дом родимый! Мой город любимый! Всё, прощайте! К мучительной жизни ухожу я из дома!	1370
Кадм	До свидания, дочь! Аристея, <ты, быть может, найдёшь на чужбине!> ¹¹⁹	
Аг.	Ах, отец мой! Кадм Ах, бедная дочка! И по сёстрам твоим я рыдаю!	
Аг.	Вот какой отвратительной пыткой Дионис-повелитель ¹²⁰ весь твой дом злополучный карает!	1375
Дион.	Я ведь тоже от вас натерпелся, не найдя почитания в Фивах!	
Аг.	До свиданья, отец! Кадм Будь здорова, хоть здоровья достигнуть непросто!	1380
Аг.	Эй, подруги! Скажите, где сёстры? Поведу я страдалиц в изгнанье! Я отправлюсь в то место, где нечистого нет Киферона, ¹²¹ где меня он вовек не увидит, где и тирс не напомнит о горе! Пусть с ним пляшут другие вакханки!	1385
Хор	Много в мире обличий божественных, много делают боги негаданно, ожидаемое не исполнилось, бог же выбрал дорогу к неожиданному, и на этом всё дело закончилось. ¹²²	1390

Брисбен, 29.08.2010–2.05.2011

Полная переработка: Брисбен, 27.02–31.03.2020

¹¹⁹ Эта строка не сохранилась и приводится в моей реконструкции. Существует несколько предположений о том, что здесь говорит Кадм (см. перечень Сифорда, с. 256). Аристей (Ἀρισταῖος) – вероятно, сын Аполлона. Был женат на дочери Кадма, Автоное. У них родился сын Актеон, погубленный Артемидой. После гибели сына Аристей покинул Фивы.

¹²⁰ «повелитель Дионис»

¹²¹ Эта строка полностью не сохранилась, поэтому мысль Агавы восстанавливается приблизительно.

¹²² Эта концовка, написанная анапестом, также завершает четыре другие пьесы Еврипида: «Медею», «Елену», «Алкесту» и «Андромаху» (во всех четырёх вариантах первая строка другая). Отношение к этой концовке колеблется от молчаливого принятия до категорического отрицания. Только в «Алкесте» она имеет прямое отношение к действию, во всех же других случаях кажется притянутой, выражая общую идею о том, что не всегда всё получается так, как можно предугадать, и божественное провидение может вмешаться в дела людей. Если не будут найдены соответствующие рукописные свидетельства, то так и останется неизвестным, имеется ли эта концовка в других пьесах Еврипида. Неизвестно также, сам ли автор прикрепил её к пяти пьесам или же это сделал кто-то другой. Мне кажется, что эти строки всё-таки отражают общую идею тщетности человеческих действий и всеисильности, непознаваемости провидения, что имеет отношение, пусть и общее, ко всем пяти пьесам, поэтому я не исключаю возможности того, что все пять концовок принадлежат Еврипиду.